

Механизмы экономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии

Дмитрий Александрович ИЗOTOV

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, izotov@ecrin.ru

Аннотация. Показаны механизмы торгового и инвестиционного сотрудничества в Северо-Восточной Азии (СВА). Определены сложности в создании трёхстороннего интеграционного формата между странами Большой тройки СВА, вызванные отсутствием консенсуса между Японией с одной стороны и Китаем с Республикой Корея – с другой. При этом страны Большой тройки СВА значительно продвинулись в снижении барьеров инвестиционного сотрудничества. Выявлено, что Республика Корея занимала наиболее активную позицию по расширению интеграционных форматов с зарубежными странами, имея доступ практически ко всем крупнейшим рынкам мира. Указаны причины недостаточной мотивации у российской и монгольской сторон для снижения барьеров со странами СВА, а также специфические черты экономики КНДР, препятствующие расширению международного торгового и инвестиционного сотрудничества.

Ключевые слова: торговля товарами и услугами, прямые иностранные инвестиции, барьеры, интеграционный формат, договор о сотрудничестве, Китай, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия, КНДР

Для цитирования: Изотов Д. А. Механизмы экономического сотрудничества стран Северо-Восточной Азии. *Известия Восточного института*. 2024. № 4. С. 114–128. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-4/114-128>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-4/114-128>

Economic interaction mechanisms of the Northeast Asia countries

Dmitry A. IZOTOV

Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, izotov@ecrin.ru

Abstract. The mechanisms of trade and investment interaction in North-East Asia (NEA) are shown. The difficulties in creating CJK FTA between the have been identified, caused by the lack of consensus between Japan on the one hand and China and the Republic of Korea on the other. At the same time, the Japan, China and the Republic of Korea have made significant progress in reducing barriers to investment integration. It was revealed that the Republic of Korea was very active in creating integration formats with foreign countries to access the world's largest markets. The reasons for the lack of motivation for Russia and Mongolia to reduce barriers with the NEA countries are indicated. The specifics of the DPRK economy, which hinder the expansion of international trade and investment cooperation, are shown.

Keywords: trade in goods and services, foreign direct investment, barriers, integration format, cooperation agreement, China, Japan, Republic of Korea, Russia, Mongolia, DPRK

For citation: Izotov D. A. Economic interaction mechanisms of the Northeast Asia countries. *Oriental Institute Journal*. 2024. No. 4. P. 114–128. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-4/114-128>

Введение

Территориально близкие экономики Северо-Восточной Азии (СВА), к которым относятся Китай, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия и КНДР, имеют объективную предрасположенность к развитию экономического сотрудничества [23]. При прочих равных условиях гравитационное притяжение между экономиками СВА может усиливаться в случае реализации кооперационных проектов, а также создания общих условий для расширения торгового и инвестиционного сотрудничества при снижении различного рода барьеров. Несмотря на возникший вначале 1990-х гг. интерес к расширению многостороннего сотрудничества страны СВА не создали единый торгово-экономический интеграционный формат в субглобальном регионе [2; 30].

Следует заметить, что за последние три десятилетия СВА, как субглобальная экономическая система, в целом была тесно связана с мировой экономикой, используя механизмы международного экономического сотрудничества в рамках торговли и инвестиций. С точки зрения размера экономики и масштаба торговых взаимодействий в СВА выделяются страны Большой тройки (Китай, Япония, Ре-

спублика Корея) и остальные страны (Россия, Монголия и КНДР). Поскольку в СВА входят различающиеся по структуре, размеру и по включению в мировые производственные и торговые связи национальные экономики, представляется важным проанализировать особенности реализации имеющихся механизмов торгово-экономического сотрудничества на уровне стран субглобального региона для выявления причин отсутствия проявления интеграционных процессов в данной части АТР, а также для определения возможностей сближения экономик.

Поэтому целью настоящего исследования является анализ механизмов экономического сотрудничества стран СВА. Под механизмами экономического сотрудничества понимается участие стран в глобальных и субглобальных кооперационных и интеграционных форматах, которые способствуют снижению для них барьеров в рамках торговых и инвестиционных взаимосвязей, т. к. взаимодействия между странами главным образом осуществляются на рынках товаров, услуг и капитала. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики внешней торговли товарами и услугами стран СВА, а также изучение степени интеграции субглобальных экономик; 2) анализ динамики инвестиционного сотрудничества и механизмов обмена капиталом стран СВА.

Торговля товарами и услугами стран СВА: анализ динамики и механизмов интеграции

Доля стран СВА в мировом товарообороте товарами за три десятилетия выросла с 15% в 1995 г. до 19,7% в 2023 г. С точки зрения стоимостных объёмов товарооборота ведущими экономиками СВА были страны Большой тройки, при этом главным источником расширения внешней торговли товарами субглобального региона являлся Китай. Несмотря на рост стоимостных объёмов товарооборота, тем не менее доля внутрирегиональной торговли товарами стран Большой тройки сокращалась, в связи с их переориентацией на рынки других стран. Также наблюдалось наращивание Большой тройкой торговли услугами, которая стала сопоставимой с объёмом их внешнего товарооборота, при этом характеризовалась отрицательным сальдо баланса при взаимодействии с зарубежным рынком. Также как и в случае товарооборота, доля внутрирегиональной торговли услугами стран Большой тройки СВА сокращалась, указывая на её отклонение в пользу других стран (табл.1).

При этом наблюдалось наращивание доли торговли товарами со странами СВА остальных экономик субглобального региона – России, Монголии и КНДР. Особенно заметным было увеличение товарооборота России со странами СВА после введения санкций к российской экономике со стороны западных стран в 2022 г., что привело к увеличению доли Китая (около 33%) в российской внешней торговле товарами в 2023 г. Монголия по причине малого размера экономики и особого географического положения, а КНДР в условиях санкций также к 2023 г. переориентировали свою торговлю товарами на Китай, на который приходилось 66% и 96% их товарооборота соответственно. Что касается торговли услугами, то для России и Монголии взаимодействие со странами СВА было практически незаметным. Несмотря на отсутствие для КНДР надёжной статистики торговли услугами, имеется основание утверждать, что Северная Корея экспортировала услуги труда¹ в Китай, компенсируя сокращение торговли товарами.

Несмотря на сокращение доли внутрирегиональной торговли стран Большой тройки, в целом страны СВА, за исключением КНДР, в долгосрочном периоде расширяли товарообмен, что стимулировалось притяжением их экономик в условиях территориальной близости, а также включением в глобальное разделение труда и тенденцией к сокращению импортных пошлин на товары (рис. 1)².

¹ Размер среднегодового притока средств от экспорта услуг труда в КНДР составляет до 2,3 млрд долл. Подробно: [1, С. 241].

² На рисунке 1 отражены значения средневзвешенной эффективной применяемой импортной пошлины, которые по умолчанию соответствуют преференциальной ставке пошлины. Если для конкретного случая взимание преференциальной ставки пошлины не практикуется, то размер эффективной

Страна СВА	Показатель	Единица измерения	1995	2005	2015	2022	2023
КНР	товары	млрд долл.	80,63	327,860	633,20	923,24	887,72
		%	28,71	23,990	16,62	14,92	15,22
	услуги	млрд долл.	н/д	162,440	654,18	889,11	933,12
		%	н/д	7,700	11,79	6,66	1,53
Япония	товары	млрд долл.	113,14	270,540	361,81	441,03	382,54
		%	14,52	24,360	28,93	26,81	26,03
	услуги	млрд долл.	н/д	241,060	341,22	380,83	432,65
		%	н/д	5,390	13,63	11,65	9,67
Республика Корея	товары	млрд долл.	69,55	180,880	315,09	417,29	360,32
		%	26,73	33,150	32,71	29,49	28,27
	услуги	млрд долл.	н/д	110,060	209,62	265,91	270,40
		%	н/д	23,170	25,10	22,71	20,31
Россия	товары	млрд долл.	10,29	41,160	102,62	250,13	278,14
		%	7,31	11,220	19,51	29,20	38,88
	услуги	млрд долл.	н/д	69,320	140,38	119,51	116,53
		%	н/д	0,001	6,41	1,00	0,30
Монголия	товары	млрд долл.	0,68	1,450	6,97	17,85	20,45
		%	76,08	64,630	82,37	83,79	83,44
	услуги	млрд долл.	н/д	0,820	2,09	4,63	5,77
		%	н/д	0,001	0,01	0,01	0,01
КНДР	товары	млрд долл.	1,20	2,130	7,19	1,49	3,00
		%	51,22	52,520	80,17	93,54	97,49
	услуги	млрд долл.	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
		%	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Табл. 1. Суммарная торговля товарами и услугами стран СВА (млрд долл.) и доля внутрирегиональной торговли (%).
Источник: [24].
Table 1. Trade in goods and services of NEA countries (bln USD) and share of intraregional trade (%).
Source: [24].

Снижение импортных пошлин во внешней торговле стран СВА определялось в том числе вхождением всех стран данного субглобального региона, за исключением КНДР³, в ВТО: Япония и Республика Корея, как участницы Генерального соглашения по тарифам и торговле – в 1955 г. и 1967 г. соответственно; Монголия – в

применяемой импортной пошлины соответствует размеру пошлины в рамках режима наибольшего благоприятствования (РНБ). РНБ означает, что каждая из сторон обязуется предоставить другой стороне не менее благоприятные условия (в данном случае - в рамках торговых отношений), какие она предоставляет любому другому государству. Подробно: [29].

³ Средневзвешенная импортная пошлина КНДР в 2005 г. составляла 5,5% [5].

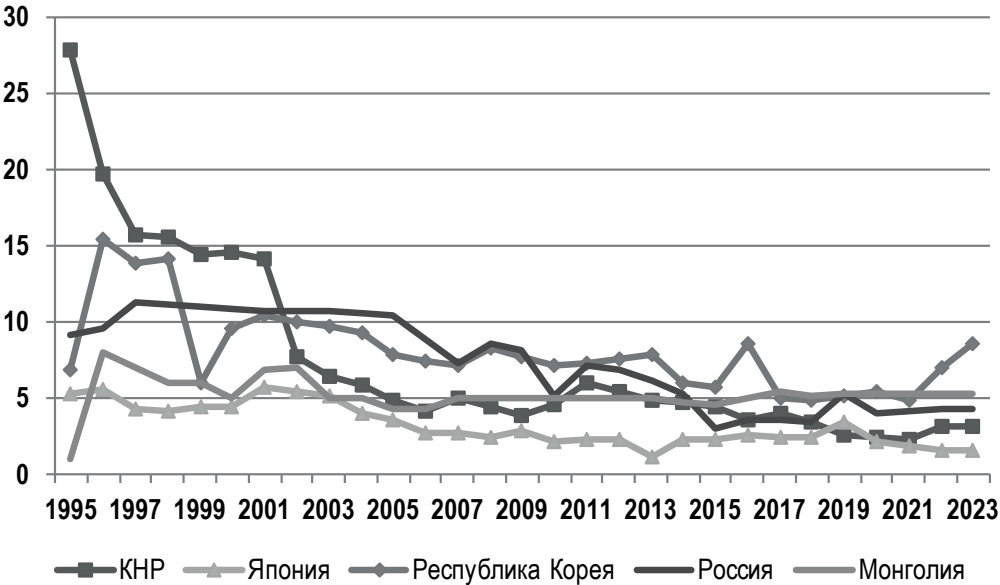

Рис. 1. Средневзвешенная импортная пошлина ряда стран СВА, %.
Примечание: значения средневзвешенной импортной пошлины для 1995 г. и 2023 г. являются оценочными.
Источник: [26].
Fig. 1. Average weighted import duty of NEA countries, %.
Note: the values of average weighted import duty for 1995 and 2023 are estimates.
Source: [26].

1997 г.; КНР – 2001 г.; Россия – в 2012 г. Помимо участия в ВТО, страны СВА входили в следующие интеграционные форматы: частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС); зоны свободной торговли (ЗСТ), в том числе в расширенном формате (ЗСТ+); таможенный союз (ТС) (табл. 2)

Ряд стран СВА присоединились к многосторонним интеграционным форматам в рамках ЧТС, подразумевающих сокращение различного рода барьеров на определенные товарные группы. Созданные ЧТС были направлены на стимулирование торговли между развивающимися странами на основе преференциальных ставок импортных пошлин. Так, Республика Корея и КНДР присоединились к Глобальной системе торговых преференций (ГСТП)⁴ (1989 г.); Республика Корея – к Соглашению о торговых переговорах между развивающимися странами⁵ (1973 г.); Республика Корея и КНР – к Азиатско-тихоокеанскому торговому соглашению (АПТА)⁶, которое распространяется также на торговлю услугами.

При этом для большинства стран СВА более распространенным форматом интеграции являлась ЗСТ, предполагающая значительную либерализацию торговли между странами-участницами с точки зрения сокращения тарифных и нетарифных барьеров, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам. Поскольку страны мира, за исключением ЕС, не смогли добиться существенного прогресса в продвижении к более зрелым интеграционным

⁴ Алжир, Аргентина, Бангладеш, Бенин, Боливия, Бразилия, Камерун, Чили, Колумбия, Куба, Эквадор, Египет, Гана, Гвинея, Гайана, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, КНДР, Республика Корея, Ливия, Малайзия, Мексика, Марокко, Мозамбик, Никарагуа, Нигерия, Пакистан, Перу, Филиппины, Сингапур, Шри-Ланка, Судан, Танзания, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Тунис, Венесуэла, Вьетнам, Зимбабве.

⁵ Бангладеш, Бразилия, Чили, Египет, Израиль, Республика Корея, Мексика, Пакистан, Парагвай, Перу, Филиппины, Сербия, Тунис, Турция, Уругвай.

⁶ Бангладеш, Китай, Индия, Республика Корея, Лаос, Шри-Ланка.

Страна СВА	Страны и группы стран, с которыми созданы ЗСТ, ЗСТ+ и ТС	Группы стран, с которыми созданы ЧТС
Китай*	ЗСТ+: Гонконг (2003 г.); Макао (2003 г.); АСЕАН (2005 г.); Новая Зеландия (2008 г.); Сингапур (2009 г.); Пакистан (2009 г.); Перу (2010 г.); Чили (2010 г.); Коста-Рика (2011 г.); Исландия (2014 г.); Швейцария (2014 г.); Республика Корея (2015 г.); Австралия (2015 г.); Грузия (2018 г.); Маврикий (2021 г.); Камбоджа (2022 г.); ВРЭП (2022 г.); Никарагуа (2024 г.) ЗСТ: Эквадор (2024 г.); Сербия (2024 г.)	Азиатско-тихоокеанское торговое соглашение (АПТА) (2013 г.)
Япония*	ЗСТ+: Сингапур (2002 г.); Мексика (2005 г.); Малайзия (2006 г.); Таиланд (2007 г.); Чили (2007 г.); АСЕАН (2008 г.); Бруней (2008 г.); Индонезия (2008 г.); Филиппины (2008 г.); Швейцария (2009 г.); Вьетнам (2009 г.); Индия (2011 г.); Перу (2012 г.); Австралия (2015 г.); Монголия (2016 г.); ВПТТП (2018 г.); ЕС** (2019 г.); Соединенное Королевство (2021 г.); ВРЭП (2022 г.)	–
Республика Корея*	ЗСТ+: Чили (2004 г.); Сингапур (2006 г.); Европейская ассоциация свободной торговли (Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария) (2006 г.); АСЕАН (2009 г.); Индия (2010 г.); ЕС (2011 г.); Перу (2011 г.); США (2012 г.); Австралия (2014 г.); Китай (2015 г.); Канада (2015 г.); Новая Зеландия (2015 г.); Вьетнам (2015 г.); Колумбия (2016 г.); Турция (2018 г.); страны Центральной Америки (Коста-Рика, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа, Панама) (2019 г.); Соединенное Королевство (2021 г.); ВРЭП (2022 г.); Израиль (2022 г.); Индонезия (2023 г.) ЗСТ: Камбоджа (2022 г.)	АПТА (2013 г.); Глобальная система торговых преференций (ГСТП) (1989 г.); Соглашение о торговых переговорах между развивающимися странами (1973 г.)
Россия*	ТС: ЕАЭС (2015 г.) ЗСТ+: ЕАЭС – Вьетнам (2016 г.) ЗСТ: ЕАЭС – Иран (2019 г.); ЕАЭС – Сербия (2021 г.); Азербайджан (1993 г.); Туркменистан (1993 г.); Узбекистан (1993 г.); Грузия (1994 г.); Сербия (2006 г.); СНГ*** (2012 г.)	–
Монголия*	ЗСТ+: Япония (2016 г.)	–
КНДР	–	ГСТП (1989 г.)

* – страны-члены ВТО. В скобках указан год вступления в силу интеграционного соглашения.

** – После выхода в 2020 г. из Европейского Союза (ЕС) Соединенного Королевства, ЕС рассматривается в составе 27 стран.

*** – Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина. После 2015 г. Функционирование ЗСТ между Россией и Украиной было приостановлено.

Табл. 2. Участие стран СВА в интеграционных форматах.

Источник: [22].

Table 2. Participation of the NEA countries in integration formats.

Source: [22].

формам, функциональная составляющая заключаемых ЗСТ стала расширяться за счёт охвата других сфер экономических взаимодействий, предполагающих, в частности, либерализацию торговли услугами, которые, как было обозначено ранее, являются важным компонентом экономического сотрудничества. Данное обстоятельство способствовало массовому появлению ЗСТ+, которые характеризовались следующими "эталонными" критериями [21]: широкий охват групп торгуемых товаров и услуг; гармоничные и симметричные правила происхождения товаров; передовая практика прохождения таможенных процедур; защита прав интеллектуальной собственности, связанных с торговлей товарами и услугами;

применение национального режима для прямых иностранных инвестиций (ПИИ); прозрачное и справедливое разбирательство споров и антидемпинговых процедур; реализация политики государственных закупок на принципах прозрачности и отсутствия дискриминации; политика поддержания конкуренции; недискриминационные и прозрачные технические барьеры.

Следует заметить, что заключённые в мире ЗСТ+ различаются степенью торгово-экономической либерализации, поскольку могут либо частично удовлетворять указанным "эталонным" критериям, либо, напротив, превышать их. Например, как показал анализ заключённых ЗСТ+ [11], наряду с вопросами, связанными со снижением тарифных и нетарифных барьеров для рынков товаров и услуг, данный интеграционный формат также может охватывать вопросы функционирования национальных экономик, связанные с рынками факторов производства и институтами.

Среди стран СВА в создании ЗСТ+ особенно были активными страны Большой тройки, которые торговали промышленными товарами и были прямыми участниками цепочек добавленной стоимости. Республика Корея была участницей 20 двух- и многосторонних ЗСТ+ и одной ЗСТ, Китай – 18 ЗСТ+ и двух ЗСТ, Япония – 19 ЗСТ+. Остальные страны СВА характеризовались меньшей включённостью в интеграционные процессы на субглобальном уровне: Россия создала один ТС⁷, одну ЗСТ+ и 8 ЗСТ; Монголия – одну ЗСТ+. При этом страны СВА эпизодично реализовывали подобного уровня интеграционные соглашения между собой: в 2015 г. была создана ЗСТ+ между Китаем и Республикой Корея; в 2016 г. – ЗСТ+ между Японией и Монголией. Скрапное число заключённых интеграционных соглашений в СВА объясняется различной мотивацией к сближению у стран субглобального региона.

Так, в начале 2000-х гг. ожидалось, что будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки, которая могла стать интеграционной основой [6; 7] и генератором основных положительных торгово-экономических эффектов для всех государств данного субглобального региона [14]. Однако Республика Корея и Китай не добились большого прогресса в переговорах с японской стороной, которая требовала от КНР значительной либерализации торговли, близкой "эталонным" критериям ЗСТ+, а также отказывалась от открытия внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции. Поскольку в первой половине 2010-х гг. наблюдалось сближение КНР с Тайванем – основным конкурентом Республики Корея на китайском и глобальном рынках электроники, южнокорейская сторона, опасаясь потери рыночных позиций, заключила ЗСТ+ с Китаем. Данное обстоятельство, наряду с заключением южнокорейской стороной ЗСТ+ с крупнейшими экономиками мира: США и странами ЕС, – способствовало тому, что Республика Корея стала позиционироваться как глобальный центр свободной торговли, получая выгоду до того, как будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки СВА. Поскольку японская продукция оказалась в сравнительно невыгодном положении на китайском рынке, Китай стал рассматривать ЗСТ+ с Республикой Корея как инструмент давления на Японию [27].

При этом особый интерес Китая к ЗСТ+ между странами Большой тройки возник в условиях присоединения японской стороны к Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП)⁸ – "глубокому" интеграционному формату, в котором лидировали США, что создавало риски частичной изоляции китайской экономики в АТР, поскольку к участию в подобных форматах руководство КНР не готово [16], т. к. это требует проведения реформ в национальной экономике для соблюдения прав интеллектуальной собственности и наёмных работников, экологических норм, РНБ, правил определения происхождения товаров, а также ограничений субсидирова-

⁷ В случае создания ТС страны вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

⁸ В ТТП входили следующие страны: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония и США.

ния экспорта государственных предприятий. В последующем США приостанавливают своё участие в ТТП, а остальные страны данного формата в 2018 г. принимают решение продолжать интегрироваться на тех же принципах, но в рамках нового формата – Всеобъемлющего и прогрессивного Транс-Тихоокеанского партнёрства (ВПТТП)⁹.

В результате Китай, а также Республика Корея не были заинтересованы в присоединении к ВПТТП. В таких условиях страны Большой тройки выработали более "мягкий" вариант интеграции в рамках Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП)¹⁰, которое является менее требовательным к либерализации торговли и услуг по сравнению с ВПТТП. При этом японская сторона не идёт на компромисс в создании как трёхсторонней, так и двусторонней ЗСТ+ с Китаем и Республикой Корея [32].

В отличие от стран Большой тройки, остальные экономики СВА не были замечены в стремлении участия в интеграционных процессах с широким числом стран, а КНДР не создала ЗСТ ни с одной из стран мира. Особенностью России и Монголии была большая доля природной ренты в экономике, поддерживаемая относительно большими объёмами экспорта сырьевых товаров, которые практически не облагались импортными пошлинами со стороны стран-покупателей данной продукции. В таких условиях, развитие и углубление интеграции с зарубежными странами для данных стран было вторичным в их внешнеэкономической стратегии и в целом имело скорее политическую мотивацию [3; 19]. Так, основной интеграционный вектор России был направлен на создание интеграционного формата с рядом стран постсоветского пространства. В этом направлении Россия осуществляла активные шаги по расширению и углублению интеграции со странами, входящими в Евразийский экономический союз (ЕАЭС)¹¹, с которыми был создан ТС, при отсутствии активной позиции в создании ЗСТ со странами СВА. Для Монголии ЗСТ+ с Японией является единственным интеграционным соглашением, в то время как основную долю в ее внешней торговле занимал Китай.

КНДР, ввиду особенности функционирования экономики, а также по причине наложенных на данную страну санкций со второй половины 2000-х гг. [17], в явном виде не встречала взаимного интереса со стороны стран СВА в создании интеграционного формата и вплоть до введения широкомасштабных ограничений опиралась на механизмы кооперационного сотрудничества и на эпизодические торгово-экономические взаимодействия со странами субглобального региона.

Динамика и механизмы инвестиционного сотрудничества стран СВА

В долгосрочном периоде доля СВА в накопленных и потоковых значениях ПИИ в глобальной экономике¹² как в притоке, так и оттоке прямого капитала увеличилась. Доля СВА в глобальном притоке накопленных и потоковых значений ПИИ в 1995 г. составляла 4,4% и 12,2%, то к 2022 г. – 10,3% и 16,2% соответственно. В свою очередь, в глобальном оттоке накопленных и потоковых значений ПИИ на субглобальный регион в 1995 г. приходилось 6,8% и 8,0%, а в 2022 г. – 14,5% и 24,8% соответственно.

Традиционным "донором" прямых инвестиций в мире с 1980-х гг. является Япония, а с середины 2010-х гг. наблюдалось также опережающее наращивание

⁹ В 2018 г. ВПТТП вступило в силу для Австралии, Канады, Японии, Мексики, Новой Зеландии, Сингапура; в 2019 г. – для Вьетнама; в 2021 г. – для Перу; в 2022 г. – для Малайзии; в 2023 г. – для Чили и Брунея.

¹⁰ Китай, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия и страны АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины).

¹¹ Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия.

¹² Потоки ПИИ формируют соответствующие сделки, зарегистрированные в течение отчетного периода, которые состоят из приобретения или продажи акционерного капитала, реинвестирования прибыли и межфирменной задолженности. В свою очередь, накопленные ПИИ представляют собой накопленный стоимостной объем ПИИ, зафиксированный в конце отчетного периода.

оттока прямых инвестиций из Республики Корея над их притоком в данную страну (табл. 3).

Данные обстоятельства объясняются смещением производственных комплексов указанных двух стран СВА в экономики с низкими издержками выпуска массовой продукции, а также необходимостью доступа корпоративного сектора этих стран к крупным, но сравнительно закрытым рынкам через механизмы прямого участия в производственной деятельности на зарубежной территории. При том, что ПИИ из Японии и Республики Корея преимущественно поступали в страны АСЕАН, ЕС и США, японские и южнокорейские прямые капиталовложения в рамках СВА направлялись главным образом в Китай¹³. В результате, инвестиционные потоки в СВА в целом формировалось оттоком ПИИ из Японии и Республики Корея и притоком в Китай.

Следует заметить, что Китай и Россия, являющиеся по состоянию на 2022 г. чистыми "реципиентами" накопленных ПИИ, в некоторые годы были в основном "донорами" прямого капитала, а также активно осуществляли инвестиционное сотрудничество через офшорные территории: КНР – через Гонконг; Россия – через Багамские, Бермудские, Британские Виргинские острова и Кипр [10; 25]. В 2022 г., в связи с санкциями к российской экономике, наблюдалось оперативное сокращение потоковых значений притока ПИИ в Россию, которое ранее формировалось в основном капиталом из офшорных территорий, а также из стран ЕС [8]. Реализованные меры в 2022 г. по ограничению капитальных операций также затруднили масштабный отток капитала из России, при этом приток ПИИ в страну из стран СВА был небольшим. В сырьевом комплексе Дальнего Востока России были заметны ПИИ из Японии [28], приток которых был частично выведен за рамки санкционных ограничений к российской экономике.

Что касается Монголии, то данная страна была "реципиентом" ПИИ и постепенно накапливала зарубежный капитал преимущественно в сырьевом секторе, а основными инвесторами монгольской экономики к концу 2010-х гг. были Канада (31%), Китай (23%) и страны ЕС (около 15%) [15]. КНДР характеризовалась незначительным притоком ПИИ [1; 18], который формировался, по всей видимости, при участии Китая, а также за счёт помощи международных организаций.

В целом, несмотря на неравномерные потоки ПИИ, большинство стран СВА опирались на механизмы инвестиционного сотрудничества глобального и субглобального уровней.

Как было ранее указано, все страны СВА, за исключением КНДР, являются членами ВТО и по этой причине в области регулирования зарубежного капитала руководствуются "эталонными" нормами Соглашения по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), согласно которым запрещается [4]: требование использования местного компонента в товарах предприятий с ПИИ; требование сбалансированной торговли и баланса иностранной валюты, с точки зрения согласования объёмов импорта и экспорта и ограничения доступа к иностранной валюте соответственно; требование об экспортной квоте в производимой предприятием продукции. Однако такие запреты осуществляются, как правило, в рамках инвестиционного сотрудничества между развитыми странами. В других случаях механизмы международного инвестиционного сотрудничества реализуются на основе соответствующих договоров и отдельных соглашений в рамках интеграционных форматов, как правило, ЗСТ+.

Инвестиционные договоры обычно охватывают большинство следующих аспектов: справедливый и равноправный режим для зарубежного капитала на национальном рынке; РНБ; предоставление для иностранных инвесторов национального режима; выплата компенсаций в случае экспроприации или ущерба имущества; свободный перевод средств, связанных с инвестициями; обязательные механизмы урегулирования споров через Международную конвенцию Всемир-

¹³ По состоянию на 2018 г. доля КНР в накопленных ПИИ Японии составила 7,5%, а Республики Корея – 20,2%. Подробно: [25].

Страна СВА	Показатель	1995	2005	2015	2022
КНР	приток	101,10/37,52	272,09/72,41	1219,93/135,58	3822,45/189,13
	отток	17,77/2,00	57,21/12,26	1097,86/145,67	2931,65/146,50
Япония	приток	33,53/0,04	100,90/2,78	174,15/2,98	225,37/32,51
	отток	238,45/22,63	386,58/45,78	1228,77/136,25	1948,56/161,47
Республика Корея	приток	18,22/2,49	104,88/13,64	179,54/4,10	272,33/18,00
	отток	13,28/3,87	38,68/8,33	285,93/23,69	647,57/66,41
Россия	приток	5,60/2,07	178,64/14,38	262,75/11,86	379,13/-18,68
	отток	3,35/0,61	139,24/16,75	290,09/27,09	315,32/10,44
Монголия	приток	0,04/0,01	3,70/0,19	20,70/0,09	28,52/2,50
	отток	0,001/-	0,01/0,002	0,44/0,01	0,91/0,08
КНДР	приток	0,02/0,001	0,18/-0,01	0,81/0,08	0,95/0,01
	отток	-	-	-	-

Табл. 3. Приток и отток ПИИ стран СВА: накопленные и потоковые значения, млрд долл.

Примечание: В числителе отражены накопленные значения ПИИ, в знаменателе – потоковые значения ПИИ. "-" – отсутствие показателя.

Источник: [12].

Table 3. FDI inflow and outflow of NEA countries: stock and flow values, bln USD.

Note: The numerator shows the FDI stock values, the denominator shows the FDI flow values. "-" – no data.

Source: [12].

ного банка об урегулировании инвестиционных споров, Комиссию ООН по праву международной торговли. При этом более продвинутые соглашения ЗСТ+ ограничивают суверенитет страны, в которую поступает иностранный капитал, налагая более высокую степень дисциплины на стороны, значительно снижая барьеры для притока инвестиций, повышая прозрачность законов и запрещая требования о доле отечественных компонентов, экспортной квоте и передаче технологий [16].

Следует заметить, что на первом этапе (конец 1980-х гг. – 2000-е гг.) между странами СВА заключались исключительно двусторонние договоры об обмене капиталом. На втором этапе (2010-х гг. – настоящее время) наблюдалось формирование комплексных интеграционных форматов (ЗСТ+) между некоторыми странами СВА, в том числе направленных на углубление инвестиционного сотрудничества (табл. 4).

В целом страны Большой тройки были более активны в применении механизмов международного инвестиционного сотрудничества. На начало 2024 г. Китай заключил суммарно 109 договоров, а также создал 27 ЗСТ+ с положениями об инвестициях с различными странами мира и был лидером по реализации такого рода механизма сотрудничества в СВА. В свою очередь, Республика Корея заключила 82 договора и 24 ЗСТ+ с положениями об инвестиционном сотрудничестве, а Япония – 37 договоров и 21 ЗСТ+ соответственно.

Китай являлся "реципиентом" ПИИ из Японии и Республики Корея и по этой причине японский и южнокорейский бизнес нуждался в снижении ограничений в инвестиционном сотрудничестве с КНР. Несмотря на то, что Япония и Республика Корея заключили в 2003 г. двусторонний договор об инвестиционном сотрудничестве, на данный шаг китайская сторона не соглашалась [27] по причине необходимости защиты прав интеллектуальной собственности и распространения "национального режима" на деятельность иностранных компаний на территории Китая. Несмотря на сравнительно небольшое число заключенных договоров о

Страна СВА	Договоры об инвестиционном сотрудничестве	Инвестиционное сотрудничество в рамках интеграционных форматов
Китай	Двусторонние договоры: Япония (1989 г.); Монголия (1993 г.); КНДР (2005 г.); Республика Корея (2007 г.); Россия (2009 г.) Трёхсторонний договор: Китай, Япония и Республика Корея (2014 г.)	ЗСТ+ с Республикой Корея (2015 г.); ВРЭП (2022 г.)
Япония	Двусторонние договоры: Китай (1989 г.); Россия (2000 г.); Республика Корея (2003 г.) Трёхсторонний договор: Китай, Япония и Республика Корея (2014 г.)	Соглашение об экономическом партнёрстве Японии и Монголии в рамках ЗСТ+ (2016 г.); ВРЭП (2022 г.); Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС)* (2024 г.)**
Республика Корея	Двусторонние договоры: Россия (1991 г.); Монголия (1991 г.); Япония (2003 г.); Китай (2007 г.) Трёхсторонний договор: Китай, Япония и Республика Корея (2014 г.)	ЗСТ+ с Китаем (2015 г.); ВРЭП (2022 г.); ИТЭРС (2024 г.)
Россия	Двусторонние договоры: Монголия (1991 г.); Япония (2000 г.); Монголия (2006 г.); КНДР (2006 г.); Китай (2009 г.)	—
Монголия	Двусторонние договоры: Россия (1991 г.); Китай (1993 г.); Россия (2006 г.)	Соглашение об экономическом партнёрстве Японии и Монголии в рамках ЗСТ+ (2016 г.)
КНДР	Двусторонние договоры: Китай (2005 г.); Россия (2006 г.)	—

* Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity Supply Chain Agreement
** Австралия, Бруней, Фиджи, Индия, Индонезия, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, США, Вьетнам.

Табл. 4. Механизмы инвестиционного сотрудничества между странами СВА.
Примечание: в скобках указан год вступления в силу договора/интеграционного соглашения.
Источник: [13].
Table 4. Investment cooperation mechanisms between the NEA countries.
Note: the year of entry into force of the treaty/agreement is shown in brackets.
Source: [13].

международном сотрудничестве, Япония, долгое время являющаяся "донором" прямых инвестиций для зарубежных стран [25; 30] и ориентируясь на практику взаимодействий с американским и европейским рынками, уделяла большое внимание снижению ограничений и установлению общих гарантий для поддержки своих инвестиций в зарубежных странах. Республика Корея занимала скорее промежуточную позицию между Китаем и Японией, выступая за установление гарантий для своих инвестиций в зарубежных странах, при этом осуществляя защиту собственного корпоративного сектора на отечественном рынке.

В условиях отсутствия прогресса в заключении ЗСТ+ между странами Большой тройки [32], вопросы, связанные с инвестиционным сотрудничеством, были выведены за рамки данного соглашения. В результате в 2012 г. было подписано, а в 2014 г. вступило в силу Трёхстороннее инвестиционное соглашение между странами Большой тройки СВА, которое в дополнении к имеющимся двусторонним договорам предусматривает защиту прав интеллектуальной собственности; запрещает требования к локализации продукции, передачи технологий и ограничения экспорта; требует публиковать все законы, правила и процедуры, касающиеся инвестиций и своевременно отвечать на запросы других сторон. При этом имеющиеся противоречия между странами всё же оказали влияние на некоторые

аспекты Трёхстороннего инвестиционного соглашения, поскольку китайская сторона настояла на сдержанной либерализации потоков капитала между странами, сохранив контроль над притоком ПИИ, самостоятельно принимая решение по доступу зарубежных фирм на внутренний рынок, а также ограничивая долю участия иностранных собственников в капитале предприятий [9; 20].

Как было ранее обозначено, отсутствие ЗСТ+ между странами Большой тройки привело к переключению стран СВА к созданию интеграционных форматов с другими странами мира. С одной стороны, наблюдалось совместное участие КНР, Японии и Республики Корея в рамках ВРЭП в формате ЗСТ+. С другой стороны, было заключено Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (ИТЭРС), предусматривающее стимулирование притока ПИИ из развитых стран АТР, к числу которых относятся Япония и Республика Корея, для развития цепочек поставок продукции в развивающихся странах, исключая Китай.

Остальные страны СВА: Россия, Монголия и КНДР – по причине специфики структуры экономики и внешнеэкономической политики, в целом не предпринимали активных действий в расширении инвестиционного сотрудничества как со странами Большой тройки, так и между собой. При этом основополагающим фактором для привлечения ПИИ, помимо снятия санкций, являлось снижение рисков в странах СВА, не относящихся к развитым, что, безусловно, накладывало ограничения на поступательное развитие инвестиционного сотрудничества [30].

Россия, заключившая 64 двусторонних договоров инвестиционного сотрудничества, наравне с КНР имела соответствующие договоры со всеми государствами СВА. Однако специфика экономики России заключалась в её долгой привязке к рынку ЕС¹⁴, в стремлении создания единого экономического пространства с рядом постсоветских стран, а также высокой долей в экспорте сырьевых товаров, расширение поставок которых на внешние рынки вплоть до 2022 г. не сталкивалось с какими-либо заметными барьерами со стороны стран-импортёров. В отличие от трудоизбыточных стран Восточной Азии Россия не принимала заметного участия в производственных цепочках глобального корпоративного сектора, осуществляя защиту рынка ЕАЭС относительно высокими барьерами, что способствовало притоку ПИИ в производственные мощности по выпуску потребительских товаров на российской территории на основе норм ВТО и двусторонних договоров. При этом введенные в 2014–2022 гг. санкции стали сдерживать приток ПИИ в новые сырьевые проекты, связанные с добычей углеводородов в России, однако большой масштаб экспорта сырьевых товаров нивелировал негативные эффекты такого рода ограничений. В условиях новых санкций к российской экономике с 2022 г., имеющиеся риски распространения вторичных санкций, а также отсутствие возможностей для вывоза капитала из России, существенно сузили возможности для её международного инвестиционного сотрудничества, ограничивая его "дружественными" странами, к которым в СВА относятся КНР, Монголия и КНДР. Если КНР для российской экономики в перспективе может рассматриваться как "донор" ПИИ, то Монголия и КНДР становятся для России странами-"реципиентами" прямых капиталовложений.

В свою очередь, Монголия заключила 36 двусторонних договоров инвестиционного сотрудничества с зарубежными странами, в том числе со странами СВА¹⁵, за исключением КНДР. Монголия, как и Россия, являлась экспортёром сырьевых товаров, а привлечение массовых ПИИ в монгольский ресурсный сектор сталкивается с политическим сопротивлением внутри страны. Заключение Монголией ЗСТ+ с Японией при прочих равных условиях может предоставить возможности в получении новых технологий для монгольской экономики [30], при этом, одна-

¹⁴ Между Россией и ЕС имеется двусторонний договор об инвестиционном сотрудничестве, который вступил в силу в 1997 г. С 2022 г. действие данного договора ограничено по причине введенных санкций со стороны ЕС.

¹⁵ Договор об инвестиционном сотрудничестве между Монголией и Японией, вступивший в силу в 2002 г., в 2016 г. утратил силу, поскольку его положения были включены в главу двусторонней ЗСТ+.

ко, не стимулировала рост японских инвестиций в монгольский сырьевой сектор [15]. В целом рентный характер экономики Монголии при малой численности населения и специфике внутренней политики сформировали барьеры для притока ПИИ и, соответственно, не способствовали снижению ограничений для капитала на основе заключения соответствующего соглашения.

Наконец, КНДР заключила двусторонние договоры об инвестиционном сотрудничестве с 15 странами мира, в том числе с Россией и Китаем, но при этом характеризовалась наличием политического конфликта с Республикой Корея и Японией, особенно по вопросу нераспространения ядерного оружия. Закрытость экономики КНДР и значительные санкционные ограничения существенно сузили возможности для её международного инвестиционного сотрудничества, которые могут быть реализованы только на основе двусторонних договоров со странами, не опасющимися вторичных санкций и высоких рисков взаимодействия с данной экономикой.

Заключение

Страны СВА имеют потенциал для расширения торгово-экономического сотрудничества, который предполагает нивелирование различных барьеров. Несмотря на сокращение доли во внутрирегиональной торговле, товарооборот в СВА обеспечивался главным образом странами Большой тройки, при этом важное место во взаимодействиях стала занимать торговля услугами, являясь необходимым элементом расширения их экономического сотрудничества с глобальной экономикой. Остальные страны – Россия, Монголия и КНДР – увеличили свою долю в торговле с СВА за счёт расширения товарообмена с Китаем.

Среди стран СВА Республика Корея занимала наиболее активную и конструктивную позицию по расширению интеграционных форматов с зарубежными странами, имея доступ через механизмы ЧТС и ЗСТ+ практически ко всем крупнейшим рынкам мира. Создание Большой тройкой СВА сети ЗСТ+ с зарубежными странами в целом объяснялось необходимостью функционирования их промышленного сектора, тесно включённого в глобальные производственные связи. Вначале 2000-х гг. ожидалось, что будет заключена ЗСТ+ между странами Большой тройки, которая могла бы стать интеграционной основой для всей экономики СВА. Однако создавшие интеграционный формат Республика Корея и Китай не добились большого прогресса в переговорах с японской стороной, которая требовала значительной либерализации торговли. Данные обстоятельства указывают на постепенное дистанцирование Японии от Китая и Республики Корея с точки зрения двустороннего свободного обмена товарами и услугами. В таких условиях страны Большой тройки осуществили интеграцию в рамках ВРЭП менее требовательного формата по снижению обоюдных барьеров.

Страны Большой тройки СВА существенно продвинулись в снижении барьеров в рамках инвестиционного сотрудничества. Однако в отличие от КНР Япония и Республика Корея готовы к большему снижению барьеров в рамках трёхстороннего инвестиционного сотрудничества. Следует заметить, что по мере роста экономики Китай стал все больше расширять в глобальном масштабе свои экономические интересы, в том числе в рамках инвестиционного сотрудничества, особенно в условиях экономического и политического противостояния с США. Данное расширение имеет экстенсивный характер по причине текущей невозможности для Китая присоединяться к более "глубоким" форматам торгово-экономической интеграции. Можно предположить, что таким образом Китай постепенно создаёт предпосылки для закрепления своего корпоративного сектора в широком по охвату числе стран с низким и средним доходом и высокими рисками для инвестирования, в частности, в рамках реализации инициативы "Один пояс-один путь" [31]. По всей видимости, Китай будет осуществлять дальнейшую привязку к собственной экономике остальных стран СВА: России, Монголии и КНДР.

В свою очередь, Россия и Монголия, имеющие отличные от стран Большой тройки СВА структуры экономики, не наращивали своего участия в интеграционных форматах. Недостаточная мотивация у России и Монголии в снижении барье-

ров со странами СВА объяснялась отсутствием внутреннего спроса на сближение с данными рынками. Россия осуществляла интеграционные форматы с рядом стран постсоветского пространства, причём взаимоотношения находились за рамками экономических мотивов, поскольку размер и платёжеспособный спрос данных экономик существенно уступали российскому рынку. Для Монголии подписанный с Японией интеграционный формат является единственным, в то время как основную долю в её внешней торговле занимал Китай, что указывает на политическую составляющую данного соглашения. КНДР, несмотря на введённые против неё широкомасштабные санкции, использовала механизмы коллективного ЧТС для торговых взаимодействий с другими развивающимися странами, однако не создала ни одного двустороннего интеграционного формата, опираясь на экономические взаимодействия с КНР. Тем не менее имеющаяся правовая основа для инвестиционного взаимодействия КНДР с Россией и Китаем при прочих равных условиях может использоваться для поддержания такого рода сотрудничества, особенно в текущих условиях санкционных ограничений для российской и северо-корейской сторон.

Литература

1. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
2. Изотов Д.А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 124–137. doi: dx.doi.org/10.31857/S013128120014753-9
3. Изотов Д.А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2022. №2. С.28–47. doi: dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2022-2/28-47
4. Brooks D.H., Fan E.X., Sumulong L.R. Foreign Direct Investment: Trends, TRIMs, and WTO Negotiations // Asian Development Review. 2003. Vol.20. No. 1. P.1–33. doi: doi.org/10.1142/S0116110503000010
5. Choi J. North Korea's Tariff and Non-tariff System: Implications for Integration into the International Economy // World Economy Brief. September 6, 2024. Vol. 14 No. 29. https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&list_no=11475&act=view (дата обращения: 15.09.2024).
6. Choi Y. Political economy of free trade agreements in China, Japan, and South Korea: sectoral politics of the FTA wave, 1998–2016 // Japanese Journal of Political Science. 2020. Vol.21. P.145–157. doi: doi.org/10.1017/S1468109920000031
7. Choi Y. The Optimal Path of a China–Japan–Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? // Pacific Focus. 2013. Vol.28. No. 3. P.435–458. doi: doi.org/10.1111/pafo.12018
8. Cieślak A., Gurshev O. Factor Endowments, Economic Integration, Sanctions, and Offshores: Evidence from Inward FDI in Russia // Comparative Economic Studies. 2023. Vol.65. P.617–649. doi: doi.org/10.1057/s41294-022-00202-6
9. Corning G.P. CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime // Asian Politics & Policy. 2014. Vol.6. No. 2. P.285–306. doi: doi.org/10.1111/aspp.12111
10. Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? / IMF. Working Paper No. 19/274. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (дата обращения: 15.09.2024).
11. Ederington J., Ruta M. Nontariff Measures and the World Trading System // Handbook of Commercial Policy. Volume 1B / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. P.211–277. doi: doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.010
12. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock / UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (дата обращения: 15.09.2024).
13. International Investment Agreements Navigator / UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (дата обращения: 15.09.2024).
14. Jackson K., Shepotylo O. Transforming East Asia: Regional Integration in a Trade War Era // Open Economies Review. 2023. Vol.34. P.657–672. doi: doi.org/10.1007/s11079-022-09698-y
15. Jargalsaikhan T., Tuvshintugs M.-E., Park E.B. An Analysis of Foreign Direct Investment Flows into Mongolia // Oikonomos. 2021. Vol. 7. No. 1. P.29–48.
16. Jiang H., Yu M. Understanding RCEP and CPTPP: from the perspective China's dual circulation economic strategy // China Economic Journal. 2021. Vol.14. No. 2. P.144–161. doi: doi.org/10.1080/17538963.2021.1933055
17. Kim J., Kim K., Park S., Sun C. The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea // Journal of International Economics. 2023. Vol.145. P.103813. doi: doi.org/10.1016/j.jinteco.2023.103813.
18. Kriebitz A., Max R. Foreign direct investment liberalization in communist regimes: a theoretical model

- based on the comparison among China, Cuba, North Korea, and Vietnam // *Political Studies Review*. 2022. Vol.20. No. 3. P.456–474. doi: doi.org/10.1177/14789299211020911
19. Naranbold B., Kim E.-M. A Study on FTA Partner Selection: A Focus on a Land Locked Developing Country, Mongolia // *Journal of International Trade & Commerce*. 2019. Vol.15. No. 2. P.95–116. doi: dx.doi.org/10.16980/jitc.15.2.201904.95
20. Pekkanen S. Investment regionalism in Asia: new directions in law and policy? // *World Trade Review*. 2012. Vol.11. P.119–154. doi: doi.org/10.1017/S1474745611000383
21. Plummer M.G. Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // *The World Economy*. 2007. Vol.30. No. 12. P. 1771–1796. doi: doi.org/10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x
22. Regional Trade Agreements Database / WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (дата обращения: 15.09.2024).
23. Scalapino R.A. *The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1989. 137 p.
24. Statistics Data centre / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 15.09.2024).
25. Tabata S. Economic Integration in Northeast Asia from the 1990s // *Geo-Politics in Northeast Asia* / Ed. by A. Iwashita, Y.-C. Ha, E. Boyle. London, Routledge, 2022. P.171–183. doi: doi.org/10.4324/9781003288039-13
26. Tariff data by Country / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en> (дата обращения: 15.09.2024).
27. Terada T. Northeast Asia's Realism: Fated External Influences on Trilateral Economic Integration // *East Asian Community Review*. 2018. Vol.1. P.49–59. doi: doi.org/10.1057/s42215-018-0006-4
28. Tokunaga M., Suganuma K. Japan's foreign direct investment in Russia: a big return from a small opportunity // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol.61. No. 3. P.240–265. doi: doi.org/10.1080/15387216.2020.1716820
29. Types of Tariffs / World Bank URL: https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/content/data_retrieval/p/intro/c2.types_of_tariffs (дата обращения: 15.09.2024).
30. Unlocking the Potential for East and North-East Asian Regional Economic Cooperation and Integration. United Nations publication, 2017. URL: <https://repository.unescap.org/handle/20.500.12870/3129> (дата обращения: 15.09.2024).
31. Yu H. Infrastructure connectivity and regional economic integration in East Asia: Progress and Challenges // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2017. Vol.1. No. 1. P.44–63. doi: doi.org/10.24294/jipd.v1i1.21
32. Zhang M. The China–Japan–Korea Trilateral Free Trade Agreement: Why Did Trade Negotiations Stall? // *Pacific Focus*. 2019. Vol.34. No. 2. P.204–229. doi: doi.org/10.1111/pafo.12142.

References

1. Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2022) Contemporary North Korea: the First Decade of the Kim Jong Un Era (2012–2021). Moscow, ICCA RAS, 2022. 440 p. (In Russ.).
2. Izotov D.A. Directions of Economic Interactions between Russia and The APR Countries: The Case Of The Russian Far East. *Far Eastern Studies*. 2021. No. 2. P.124–137. doi: dx.doi.org/10.31857/S013128120014753-9 (In Russ.).
3. Izotov D.A. Integration of the Russian Economy with the Asia-Pacific Countries: Opportunities and Risks. *The bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2022. No. 2. P.28–47. doi: dx.doi.org/10.24866/2311-2271/2022-2/28-47 (In Russ.).
4. Brooks D.H., Fan E.X., Sumulong L.R. Foreign Direct Investment: Trends, TRIMs, and WTO Negotiations. *Asian Development Review*. 2003. Vol. 20. No. 1. P.1–33. doi: doi.org/10.1142/S0116110503000010
5. Choi J. North Korea's Tariff and Non-tariff System: Implications for Integration into the International Economy. *World Economy Brief*. September 6, 2024. Vol. 14 No. 29. https://www.kiep.go.kr/gallery.es?mid=a20301000000&bid=0007&list_no=11475&act=view (accessed 15.09.2024).
6. Choi Y. Political economy of free trade agreements in China, Japan, and South Korea: sectoral politics of the FTA wave, 1998–2016. *Japanese Journal of Political Science*. 2020. Vol.21. P.145–157. doi: doi.org/10.1017/S1468109920000031
7. Choi Y. The Optimal Path of a China–Japan–Korea FTA: Multilateral Path or Sequential Path? *Pacific Focus*. 2013. Vol.28. No. 3. P.435–458. doi: doi.org/10.1111/pafo.12018
8. Cieřlik A., Gurshev O. Factor Endowments, Economic Integration, Sanctions, and Offshores: Evidence from Inward FDI in Russia. *Comparative Economic Studies*. 2023. Vol.65. P.617–649. doi: doi.org/10.1057/s41294-022-00202-6
9. Corning G.P. CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime. *Asian Politics & Policy*. 2014. Vol.6. No. 2. P.285–306. doi: doi.org/10.1111/aspp.12111
10. Damgaard J., Elkjaer T., Johannesen N. What Is Real and What Is Not in the Global FDI Network? *IMF Working Paper* No. 19/274. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/12/11/what-is-real-and-what-is-not-in-the-global-fdi-network> (accessed 15.09.2024).

11. Ederington J., Ruta M. Nontariff Measures and the World Trading System. *Handbook of Commercial Policy*. Volume 1B / Ed. by K. Bagwell, R.W. Staiger. North Holland, 2016. P.211–277. doi: doi.org/10.1016/bs.hescop.2016.04.010
12. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock. *UNCTAD*. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (accessed 15.09.2024).
13. International Investment Agreements Navigator. *UNCTAD*. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/by-economy> (accessed 15.09.2024).
14. Jackson K., Shepotylo O. Transforming East Asia: Regional Integration in a Trade War Era. *Open Economies Review*. 2023. Vol.34. P.657–672. doi: doi.org/10.1007/s11079-022-09698-y
15. Jargalsaikhan T., Tuvshintugs M.-E., Park E.B. An Analysis of Foreign Direct Investment Flows into Mongolia. *Oikonomos*. 2021. Vol. 7. No. 1. P. 29–48.
16. Jiang H., Yu M. Understanding RCEP and CPTPP: from the perspective China's dual circulation economic strategy. *China Economic Journal*. 2021. Vol.14. No. 2. P.144–161. doi: doi.org/10.1080/17538963.2021.1933055
17. Kim J., Kim K., Park S., Sun C. The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea. *Journal of International Economics*. 2023. Vol.145. Pp.103813. doi: doi.org/10.1016/j.jinteco.2023.103813.
18. Kriebitz A., Max R. Foreign direct investment liberalization in communist regimes: a theoretical model based on the comparison among China, Cuba, North Korea, and Vietnam. *Political Studies Review*. 2022. Vol.20. No. 3. Pp.456–474. doi: doi.org/10.1177/14789299211020911
19. Naranbold B., Kim E.-M. A Study on FTA Partner Selection: A Focus on a Land Locked Developing Country, Mongolia. *Journal of International Trade & Commerce*. 2019. Vol.15. No. 2. P.95–116. doi: dx.doi.org/10.16980/jitc.15.2.201904.95
20. Pekkanen S. Investment regionalism in Asia: new directions in law and policy? *World Trade Review*. 2012. Vol.11. P.119–154. doi: doi.org/10.1017/S1474745611000383
21. Plummer M.G. Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia. *The World Economy*. 2007. Vol. 30. No. 12. P.1771–1796. doi: doi.org/10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x
22. Regional Trade Agreements Database. *WTO*. URL: <https://rtais.wto.org/UI/publicPreDefRepByCountry.aspx> (accessed 15.09.2024).
23. Scalapino R.A. The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1989. 137 p.
24. Statistics Data centre. *UNCTADstat*. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed 15.09.2024).
25. Tabata S. Economic Integration in Northeast Asia from the 1990s. *Geo-Politics in Northeast Asia*. Ed. by A. Iwashita, Y.-C. Ha, E. Boyle. London, Routledge, 2022. P.171–183. doi: doi.org/10.4324/9781003288039-13
26. Tariff data by Country. *World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/tariff/trains/country-byhs6product.aspx?lang=en> (accessed 15.09.2024).
27. Terada T. Northeast Asia's Realism: Fated External Influences on Trilateral Economic Integration. *East Asian Community Review*. 2018. Vol.1. P.49–59. doi: doi.org/10.1057/s42215-018-0006-4
28. Tokunaga M., Suganuma K. Japan's foreign direct investment in Russia: a big return from a small opportunity. *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol.61. No. 3. P.240–265. doi: doi.org/10.1080/15387216.2020.1716820
29. Types of Tariffs. *World Bank* URL: https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/content/data_retrieval/p/intro/c2.types_of_tariffs (accessed 15.09.2024).
30. Unlocking the Potential for East and North-East Asian Regional Economic Cooperation and Integration. *United Nations publication*, 2017. URL: <https://repository.unescap.org/handle/20.500.12870/3129> (accessed 15.09.2024).
31. Yu H. Infrastructure connectivity and regional economic integration in East Asia: Progress and Challenges. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2017. Vol.1. No. 1. P.44–63. doi: doi.org/10.24294/jipd.v1i1.21
32. Zhang M. The China–Japan–Korea Trilateral Free Trade Agreement: Why Did Trade Negotiations Stall? *Pacific Focus*. 2019. Vol.34. No. 2. P.204–229. doi: doi.org/10.1111/pafo.12142

Дмитрий Александрович ИЗOTOB, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия), izotov@ecrin.ru

Dmitry A. IZOTOV, Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, e-mail: izotov@ecrin.ru

Поступила в редакцию
(Received) 30.09.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 28.11.2024

Принята к публикации
(Accepted) 29.11.2024